

ЖИЗНЬ ДЖИНГИЗЪ–ХАНА.

Татарская Сказка (1).

Отдѣленіе первое.

Родословіе Джингизъ–Хана.

Во имя Бога милосердаго въ міръ семь ко
всякому, въ будущемъ къ однимъ
правовѣрнымъ (2).

У Ноя, Пророка благословенной
памяти (3), было четыре сына и четыре
дочери. Одинъ сынъ Хамъ, одинъ Семъ,
еще одинъ Кенгамъ, а четвертый Яфеть;
имена дочерей были: первой Рахубъ,
второй Зехубъ, третьей Рехеть, а четвертой
Зехуть (*). Племя Хама, Арабы; племя
Сема, Персіяне; а племя Кенгама, который
погибъ въ потопъ, пресѣклось. Племя

(*) Мы изъ Священнаго Писанія знаемъ, что у
Ноя было только три сына, а дочерей не было.

Яфета есть народъ Греческій. Яфета также называютъ и Абулджаханомъ. Абулджахана сынъ Бакыръ-Ханъ, коего сынъ Уджа-Ханъ; этотъ сынъ Узъ-Ханъ; этого сынъ Кукъ-Ханъ; этого сынъ Бугара-Ханъ; этого сынъ Кара-Ханъ; этого сынъ Кунымъ-Ханъ; этого сынъ Руджамъ-Ханъ; этого сынъ Самсуджи; этого сынъ Салырсоучи; этого сынъ Сакабирунъ; этого сынъ Качумарганъ; этого сынъ Качуманъ; этого сынъ Карадманъ; этого сынъ Турмтай-Чачанъ; этого сынъ Тумауль-Марганъ; этого сынъ Дуинбаянъ; этого сынъ: Джингизъ-Ханъ; этого сынъ Юджи-Ханъ; этого сынъ Саинъ-Ханъ; этого сынъ Сартакъ-Ханъ; этого сынъ: Буртанъ-Ханъ; этого сынъ: Тугали-Ханъ; этого сынъ Туктаты-Ханъ; этого сынъ Узбекъ-Ханъ; этого сынъ Дженибекъ-Ханъ; этого сынъ Бирдибекъ-Ханъ; этого сынъ Шабакъ-Ханъ; этого сынъ Муртаза-Ханъ; этого сынъ Кучумъ-Ханъ; этого сынъ Арсланъ-Ханъ; этого сынъ Берганъ-Султанъ; а Берганъ-Султанъ, бывъ въ заключеніи у Русскихъ, принялъ ихъ вѣру.

Отдѣленіе второе.
Повѣствованіе о Джингизь-Ханѣ.

Мы хотимъ говорить о первыхъ предкахъ Джингиза, по матери. Въ древнее время стоялъ на бѣломъ морѣ городъ Мальта. Имя Хана этого города было: Алтынъ-Ханъ; имя Ханши: Курляучь. Отъ царственной четы этой родилась дочь, которой дано было имя: Аламалымъ-Куркли. И не показывая ее ни лунѣ, ни солнцу, заключили ее въ сорока-саженныя каменныя палаты, а красота Аламалымъ была такова, что отъ улыбки ея сухое дерево пускало листья и голая земля покрывалась травою. Когда она чесала волоса, то сыпался жемчугъ, а гдѣ плевала, тамъ выросло серебро и золото; и душа ея была превосходнѣйшая изъ рожденныхъ въ мірѣ семь. Изъ всѣхъ нянекъ, за нею ходившихъ, Урдаханъ была къ ней ближе прочихъ. И однажды она (Аламалымъ) возмужавъ уже, сказала: о, Урдаханъ! коли выйдешь за палаты мои, наружу, такъ что тамъ увидишь? и то, что называютъ міромъ, въ этихъ ли стѣнахъ заключается, или есть

еще пространство внѣ палатъ моихъ? — То, что называютъ міромъ, отвѣчала Урдаханъ, есть обширный свѣтъ за предѣломъ палатъ твоихъ, и есть еще вещи, называемыя солнцемъ и луною, и ими-то свѣтель бѣлый свѣтъ. Тогда Аламалымъ-Куркли молвила: О Урдаханъ! покажи же ты мнѣ все это! А Урдаханъ отвѣчала: если ты все это увидишь, то умрешь. И ей на это Аламалымъ: умереть, такъ умру, но покажи! Тогда Урдаханъ растворила ставень и яркій свѣтъ вошелъ. Увидѣвъ его, Аламалымъ-Куркли лишилась чувствъ и упала замертво, а няньки сидя плакали, приговаривая: что теперь скажемъ Хану? — Наконецъ насталь такой день, что Аламалымъ очнулась, и няньки, радостно вскочивъ, спрашивали: что видѣла ты теперь? Аламалымъ же отвѣчала: отъ давишняго, видѣннаго нами луча солнечнаго, я понесла; чтоже теперь скажете вы отцу моему? ибо самъ Алтынъ-ханъ приходилъ иногда любоваться дочерью своею. И однажды Алтынъ-ханъ, навѣстивъ дочь свою, увидѣлъ что она была беременна, и сказалъ: О дочь! на лицѣ

твою высыпали веснушки; какое бѣдствіе съ тобою случилось? Самъ же съ горестію возвратился въ домъ свой и сказалъ супругѣ: о Курляучь! во все время нашего брака, такое постыдное дѣло не падало на нашу голову! съ дочерью нашей случилось несчастье; что теперь дѣлать станемъ? Тогда Курляучь отвѣчала: теперь ее (дочь нашу) въ землѣ нашей, въ этомъ владѣніи, выдать нельзя; люди нынѣ сущіе черти; будетъ много огласки, много злорѣчія; а потому, посадимъ ее (дочь) въ пригожій ковчегъ, пустимъ на сѣверное море. И такъ, построивъ корабль и посадивъ въ него сорокъ дѣвокъ, дикихъ голубей, золотыхъ ягнятъ, попугая-птицу, неугасимый свѣточъ и неистощимую пищу, пустили золотой ковчегъ неподалеку горы Тура, на сѣверное море, сказавъ: суженый ее не минуетъ.

Потомъ, нѣсколько времени спустя, сынъ Турмтай-Чачана, по имени: Тумауль-Маргань, бывъ огорченъ отцемъ своимъ, вышелъ за предѣлы земли своей, остановился. А съ нимъ было еще 40 человекъ; и одинъ изъ нихъ съ однимъ

только глазомъ во лбу, по имени Шабасукеръ, Трухменецъ, который, стоя однажды на часахъ, сказалъ; гой Тумауль-Маргань! издали что-то чернѣется; это долженъ быть золотой корабль; онъ идетъ высоко, словно гора черная; я насквозь все вижу; а потому прошу тебя, что внутри, пусть твое будетъ, что снаружи — мое; завтра къ полудню корабль придетъ. Тогда Тумауль-Маргань ему отвѣчалъ: хорошо, пусть такъ будетъ. И на другой день, въ полдень, увидѣли они прибывшій съ моря корабль; а какъ сломать, его никто не умѣлъ приступиться. Тогда Шабасукеръ, Трухменецъ, сказалъ: гой Тумауль-Маргань; стрѣляй, да и ломай. А Тумауль спросилъ: прямо ли стрѣлять, на проломъ, или вкось? — Коли прямо стрѣлять станешь, отвѣчалъ Шабасукеръ, то можешь попасть во что нибудь живое, внутри судна; стрѣляй на искось, да и ломай! Ну ладно, молвилъ Тумауль-Маргань, буду стрѣлять вкось; и, вскинувъ стрѣлку свою на лукъ и натянувъ его, пустилъ ее такъ, что она оторвала отъ ковчега три доски; и за этотъ выстрѣлъ прозванъ Тумауль-Маргань:

Кыять и нынѣшній Кыятскій народъ имѣеть корень и начало свое отъ него. Изъ сломаннаго же судна вышли: Аламалымъ—Куркли, съ сорока дѣвками, съ дикими голубями, съ золотыми ягнятами, съ попугаями; все это взялъ Тумауль—Маргань; самый же ковчегъ принадлежалъ Шабасукеру. Тумауль—Маргань разбилъ шатеръ и хотѣлъ объявить Аламалымъ—Куркли женою своею (4); она же говорила: О Маргань! богъ насъ небѣ отдалъ; я твоя во всякое время, но если бы ты теперь пощадилъ меня, то было бы лучше: во мнѣ уже свершилось зачатіе; и не отъ мужа, а отъ луча солнечнаго. О Маргань, я прежде бѣлымъ кречетомъ по поднебесью ходила, а теперь спустилась на шею тебѣ, какъ на сосну; вамъ, мужчинамъ, противиться нельзя и не должно; но можно бы, кажется, теперь и не обижать меня. И Маргань отвѣчалъ: я вѣрю тебѣ, и тебя не обижу, но беру въ жены себѣ. Когда же Тумауль—Маргань дѣйствительно въ истинѣ словъ ея увѣрился, то сказалъ: о Аламалымъ, справедливо, что тебя навѣстилъ одинъ только лучъ солнца, а сама ты дѣвственна и

непорочна. И за это онъ полюбилъ ее еще сильнѣе. Она же молвила: о Маргань! повѣришь ли мнѣ, что я во всю жизнь свою еще и въ глаза мужчины не видывала, и перваго увидѣла тебя. — А Маргань отвѣчалъ: въ то же время и беременна — и дѣвственна! счастливъ мужъ, который это найдетъ! тогда Аламалымъ сказала: и такъ ты теперь убѣдился въ непорочности моей? — И Маргань отвѣчалъ: о Аламалымъ-Куркли! доказательствомъ любви моей пусть служить то, что деревомъ моимъ отнынѣ да будетъ сосна, птицею моею кречеть, а тавромъ моимъ мотушка (5). И по этому-то мотушка есть тавро Кыятское. Потомъ, нѣсколько времени спустя, родился мальчикъ: и родители, говоря, что Богъ далъ безчестіе, назвали его безчестіемъ: Дуинбеянь (6). И еще нѣсколько времени спустя, отецъ Тумауль-Маргана, Турметай-Чачанъ, умеръ и Тумауль-Маргань сдѣлался Ханомъ отцовскаго владѣнья. Потомъ уже Аламалымъ-Куркли родила двухъ сыновей: первый былъ: Буденатай, а другой: Бильгутаи. Дѣти эти были причиною

большой печали и безпокойства матери; и Тумауль-Маргань спросилъ: о, Аламалымь! люди радуются и веселятся, когда родится сынъ, а ты, родивъ сына, о чемъ кручинишься? И ему на это Аламалымь-Куркли: я забочусь ради перваго сына моего Дуинь-беяна: иной, лоси подобно, ложится на цвѣты, иной, подражая свиньѣ, валяется въ грязи. Ты самъ не Ханскій сынъ и управлять владѣніемъ не достоинъ; есть пословица: кто не знаетъ, не цѣнить достоянія своего, у того алчные глаза ненасытимы. Буденатай и Бильгутаи владѣть не достойны. Я дочь льва; а съ тобой живучи, что я добраго видѣла? — Хорошо, сказала Маргань, что же теперь велишь дѣлать? — Аламалымь отвѣчала: по смерти твоей Буденатай и Бильгутаи наследуютъ власть и я печалюсь ради сына моего, рожденнаго отъ луча солнечнаго; должно двухъ сыновъ нашихъ, Буденатаю и Бильгутая отправить въ Калмыки. И такъ Тумауль-Маргань-Ханъ отправилъ двухъ сыновей этихъ въ Калмыки и еще каждому изъ двухъ придалъ по семи слугъ; и они (сыновья)

жили оба и управляли народомъ и землею Калмыцкою. И такъ владѣльцы Калмыковъ ведутъ начало и корень отъ Бильгутая и Буденатая.

Удаливъ такимъ образомъ этихъ двухъ, взяли невѣсту для Дуинбеяна. Племена Алтынъ-Хана было семь Султановъ: имя меньшаго было: Тулюкли; дочь его Алангу взята была за Дуинъ-Беяна. Отъ Дуинъ-Беяна и отъ Алангу произошло три сына: первому имя Будеиджаръ, второму Кагынджаръ, третьему Салджуть. Кыятскій родъ произошелъ отъ Будеиджара. Китайское поколѣнiе отъ Кагынджара, Салджутское отъ Салджута. Теперь же Тумауль-Марганъ ханствовалъ двадцать лѣтъ; тамъ Дуинъ-Беянь девятнадцать лѣтъ; и Дуинъ-Беянь, собравъ три дня до смерти своей Бековъ и народъ, говорилъ: о, увы, гой, други мои! О, народъ! знайте, что никому изъ насъ не освободиться отъ смерти; коли срокъ на исходѣ, то зелья и снадобья нѣтъ. Я думалъ умереть вмѣстѣ съ поятою женою моею Алангу, теперь же, срокъ приспѣлъ; я умираю, а вы остаетесь. И такъ, о народъ! завѣщанiе мое къ вамъ

будеть такое: Рожденные отъ меня три сына, Будеиджарь, Кагынджарь и Салджуть, владѣть и ханствовать не достойны. Послѣ смерти моей низойду я на супругу мою Алангу, во снѣ, зачатіемъ, и родится сынъ, достойный владѣть и управлять вами: ожидайте его, о дѣти черни, съ вѣрою: а знаменіе этому будетъ такое, что послѣ смерти моей низойду я солнцемъ, а выйду волкомъ, и вотъ въ чемъ меня признаете. Послѣ таковаго завѣщанія Дуинь-Беянь отошелъ отъ міра сего и скончался.

По смерти Дуинь-Беяна два меньшіе брата его, Буденатай и Бильгутаи, находясь у Калмыковъ и услышавъ, что старшій братъ ихъ Дуинь-Беянь, умеръ, а сноха Алангу овдовѣла, пришли править тризну. Они поминали брата вмѣстѣ съ тридцатью тремя тысячами слугъ, а потомъ, оба сказали: сноха наша Алангу тоскуеть и горюеть по старшемъ братѣ нашемъ; — сами же сѣли на борзыхъ коней и помчались на охоту. И поймавъ на горѣ Баиръ оленя, взяли его живьемъ и отправились домой. На возвратномъ пути встрѣтила ихъ вышедшая

изъ лѣсу толпа людей: и охотники ихъ допрашивали: гой, вы, отколѣ взялись вы, и что вы за люди? И тѣ отвѣчали: на вопросъ вашъ скажемъ, что мы находимся въ бѣгствѣ изъ города Китая; а вы, кто вы таковы и что за люди? — И эти отвѣчали: мы предводители Калмыковъ, Буденатай и Бильгутаи. И толпа опять возговорила: мы прибыли сюда послѣ трехмѣсячнаго пути; пища у насъ вышла вся, мы изголодали — будьте милосерды, дайте намъ чегонибудь поѣсть: отдайте хотя этого оленя, и доброе дѣло сотворите! Но тѣ отвѣчали: а для чего же вы бѣжали отъ начальниковъ своихъ? За это пропадайте вы голодомъ, и по этому живаго оленя мы вамъ не дадимъ. У насъ есть покинутая вдова, сноха наша, она тоскуетъ по братѣ нашемъ; для потѣхи ея веземъ этого оленя, чтобы развеселить сердце ея. Тѣ же возразили: о други, коли такъ, то возьмите у насъ сына, мальчика, а намъ отдайте оленя, и не заставьте умереть голодомъ. Отдавъ этимъ бараній окорокъ, тѣ взяли себѣ мальчика. Сами же, будучи довольны, говорили: и это годится для забавы и потѣхи снохи нашей. Имя

мальчика этого было: Ялынъ; отецъ его былъ: Манктайбій, отъ крайней немоци и голода, отдалъ онъ сына за бараній окорокъ. Когдаже Буденатай и Билькутай, взявъ этого мальчика, пришли домой, то поручили его снохѣ своей, говоря: онъ пригодится снохѣ нашей Алангу, чтобы пасти табунъ и дѣлать кумызь. Но Алангу, зная происхождение и родъ его (Ялына), воспитывала его хорошо.

Послѣ всего этого Буденатай и Бильгутаи сказали: ну, сноха наша, теперь позволь намъ ѣхать во-свояси; по прибытіи нашемъ сюда, получили мы, черезъ посланца, дурное извѣстіе отъ Тангутовъ, и должны нынѣ возвратиться. Тогда Алангу отвѣчала: О, увы, гой, о дѣвери мои Буденатай и Бильгутаи! вамъ можно бы еще немного позамедлить здѣсь: три сына мои, Будеиджаръ, Кагенджаръ и Салджутъ, не уважають народа своего; они съ несправедливостію угнетають и тяготять подданныхъ и не внемлють словамъ моимъ. И такъ, вы могли бы надѣлать дѣтей моихъ умомъ и увѣщаніемъ. Буденатай и Бильгутаи сказали: О, сноха наша! Умъ

нашъ, увѣщаніе и завѣщаніе наше, будутъ такіе: племянникамъ нашимъ тебя, Бековъ и старшинъ мірскихъ почитать и жить со всѣми вами въ ладахъ; судить и рядить справедливо. Далѣе: знайте, что добраго владѣнія признаки такіе: болѣе пріятелей, а менѣе недруговъ наживать, города окопами обносить; широкія ворота оставлять; врагамъ своимъ и чужой земли подданнымъ тайнъ своихъ не повѣрять; почетныхъ старшинъ провожать въ передній уголь, а меньшихъ и молодыхъ заставляютъ имъ прислуживать. Теперь, знайте же и признаки дурнаго народа: онъ свою землю хулитъ, чужую восхваляетъ; свой родъ бранитъ, чужой родъ превозноситъ; своихъ старшинъ презираетъ, чужихъ почитаетъ; у него старый молчитъ, малый говоритъ; отецъ молчитъ, а сынъ шумитъ; народъ же всему этому насмѣхается. А коли самъ владѣтель слушаетъ молокососа на рыжей клячѣ и у него совѣта проситъ, то онъ не владѣтель, ниже мужъ; коли міръ миру знать не хочетъ, такъ и міръ тотъ міромъ не зови; кто отродясь хозяиномъ не бываль, да скотомъ обзаведется, тотъ заставитъ

скотину встать, да оборъ жевать; кто сокольничимъ не бываль, тотъ, чего добраго, и гуся вороной травить задумаетъ; кто вѣкъ человѣкомъ не бываль, да въ знать затѣшится, тотъ, пожалуй, и человѣчье мясо ѣсть похвалится; свѣту божьяго не видавшій, да въ знать попавшій, и юфтевыхъ сапогъ надѣть не захочетъ; кто былъ нищъ и убогъ, да разбогатѣетъ, тотъ и глянуть ни на кого не захочетъ; такого-то разбора люди, не бывавшіе въ чести, да попавшіе въ честь, бывшіе ни при чемъ, да принявшіе имя и званіе, будутъ смущать и искушать племянниковъ нашихъ. И такъ, незнавшіе этого, да узнаютъ; неученые, да наставятся; доказательствомъ же и поясненіемъ словъ моихъ служатъ: у хлѣбника не проси суда и расправы; у кузнеца совѣта не спрашивай, у мясника тоже; кто что видитъ, про то и толкуетъ; хлѣбникъ хлѣбъ на себя грузить, хлѣбъ и продаетъ. И такъ, покайтесь Богу своему, и за совѣтомъ ходите къ біямъ, къ старшинамъ. И кромѣ этого наставленія и увѣщанія, кромѣ словъ этихъ, сказать намъ болѣе нечего.

Послѣ такихъ рѣчей Буденатай и Бильгутаи возвратились во свояси. А по отбытіи ихъ, племянники ихъ Будеиджарь, Кагенджарь и Салджуть совѣта, наставленія и завѣщанія ихъ не держались, матери своей не почитали и были негодными людьми. Они начали учинять насилія, простому народу, Біямъ и дочерямъ, ихъ; у богатыхъ людей отбирали они сильныхъ двугорбыхъ верблюдовъ, кривоногихъ иноходцевъ, долгошеихъ аргамаковъ, снимали кольчуги съ молодцовъ и батырей, и почетныхъ Бековъ дочерей забирали. Народъ, ропща на это гласно и пришедъ толпою къ Алангу, говорилъ: О Алангу! плоть наша истлѣла, кость одна осталась; нѣтъ болѣе силъ терпѣть! Тогда Алангу отвѣчала: увы, о народъ! Они словамъ моимъ не внемлютъ, достоинства вашего не знаютъ; о, народъ мой! не сказываль ли вамъ мужъ мой Дуинь-Беянь: я низойду, во сновидѣніи, зародышемъ? — теперь время приспѣло; если ваше счастье, то я рожу сына. Послышавъ рѣчи эти отъ Алангу, народъ радовался и веселился; а когда слухъ этотъ

повсюду въ народѣ разнесся, то всякій нетерпѣливо ожидалъ пришествія сына. А три брата Будеиджаръ, Кагенджаръ и Салджуть, услышавъ все это въ народѣ, разсердились и собравшись втроемъ, пришли къ матери своей. Она же спросила ихъ: куда, о дѣти мои, идете? Они отвѣчали: слышавъ лживыя рѣчи твои, пришли мы къ тебѣ. А имъ на это Алангу: о, вы злые! для чего же вы слова мои называете лживыми? — А они отвѣчали: о мать! коли это не ложь и не обманъ, такъ что же это будетъ? Ты увѣрила народъ, что беременна мальчикомъ; и, не признавая насъ дѣтьми своими, заставляешь ожидать рожденія обѣтованнаго сына; да развѣ ты щеглѣнокъ, что водицы испивши понесла? или ты маны-птица, что это случилось съ тобою отъ солнечнаго зною? — Или ты арбузь, или дыня, что безъ мужа и сама по себѣ, сѣменемъ расплодиться можешь? курица ли ты, что за золѣ повалявшись, хочешь яичко снести, или ты пчелиная матка, что поискушавъ пѣны рѣчной оплодотворилась? мужъ твой умеръ, а ты обѣщаешь родить сына; для чего же ты

этакъ народъ искушаешь? Ужъ не отъ того ли все это, что ты позабавилась съ вымѣненнымъ на бараній окорокъ мальчиномъ? Тогда Алангу сказала: гой, увы, народъ! слова эти ихъ ли, этихъ злонравныхъ, или это ваши рѣчи? И народъ громогласно восплакавъ, рѣкъ: это рѣчи сыновей твоихъ! Тогда Алангу рѣкла, О народъ! теперь, чтобы убѣдиться во всемъ, то поставьте двухъ тли трехъ человекъ и увидите знаменіе: оно лучемъ солнечнымъ низойдетъ, а волкомъ выйдетъ. И три человекъ стали, безъ вѣдома Алангу, и стерегли. Имена этихъ трехъ человекъ были: перваго, Кипчакъ, другаго Гультухамедъ, третьяго Урдачь. И эти три человекъ стояли и смотрѣли. На зарѣ яркій солнечный лучъ низошелъ; увидѣвъ это, сторожа обмерли; а когда опамятовались, то одинъ одного спрашивали: что такое случилось, когда давеча яркій лучъ солнца низошелъ и что это значитъ? и чего же намъ сидѣть здѣсь еще какъ съ похмѣльемъ? пойдите, изготовимъ луки наши, да пустимъ стрѣлы: коли волкъ есть тамъ, то онъ выбѣжитъ. Потомъ, вставъ, изготовили

луки свои и увидѣли, что волкъ съ конскою гривой выбѣжалъ и оглядываясь назадъ, кричалъ: Джингизъ, Джингизъ! и ушедши въ лѣсъ, сокрылся. Все это помянутые три человѣка ясно видѣли и достовѣрно узнали. Пошедъ къ Будеиджару, Кагенджару и Салджуту, рассказали они все, что видѣли; эти же, услышавъ такія слова этихъ трехъ человѣкъ отвѣчали: что будетъ, то будетъ; а чему не быть, тому и не бывать; доли же нашей никто не отниметь.

Въ скоромъ времени Алангу родила мальчика въ золотой рубашкѣ, съ клеймомъ на плечѣ, у самага плеча волчьи, и кому бы ни случилось увидѣть его въ лице, тотъ говорилъ: за него я готовъ умереть! Всякій въ присутствіи его таялъ какъ масло, и говорилъ: конь мой и одежда моя, все твое! Потомъ Джингизъ росъ и мужалъ и чинилъ народу судъ правдивый: и былъ много полезенъ. И народъ, любя и привѣтствуя его, послѣдовалъ ему и предавался, называлъ безконечно добрымъ Ханомъ своимъ и восхваляя его говорилъ: Онъ истинный сынъ Ханскій, по дѣламъ и по достоинству. Старшіе же братья его,

Будеиджарь и Кагенджарь и Салджуть, ненавидя Джингиза и завидуя ему, говорили промежь собою: глядите! по этомъ безчестно-рожденномъ народъ и подданные наши съ ума сходятъ! Надо теперь извести его, иначе не будетъ намъ покою. И тогда три брата, державъ совѣтъ промежь собой и собравшись однажды вмѣстѣ, пошли и обнародовали: что мы-де Джингиза погубимъ. Тогда народъ возопилъ: О нѣтъ! Джингизъ достойнѣе васъ трехъ царствовать: онъ будетъ народу полезенъ и мы его на пагубу вамъ не отдадимъ. Коли хотите раздѣлиться имѣніемъ отцовскимъ и забрать его; то берите, а коли не такъ, то мы готовы рѣзаться на смерть за Джингиза.

Тогда всѣ трое, услышавъ отъ народа такія рѣчи, не посмѣли ни къ чему приступить, а говорили только про себя: народъ къ этому Джингизу крѣпко привязался; явно погубить его нельзя, а тайно и скрытно отъ народа его изведемъ. Потомъ сказали: хорошо, коли такъ, мы раздѣлимъ и заберемъ отцовское имѣніе; сами же, сказавъ это, раздѣлили и взяли

все, что отъ отца изъ оставалось. Но у Дуинь-Беяна былъ золотой дорогими каменьями усаженный колчань; не зная ему цѣны, не могли они раздѣлить его и рѣшили: кому присудить мать наша, тотъ пусть и возметъ колчань этотъ. И такъ, взявъ каждый свою долю, пришли они къ матери своей и говорили: гой, мать наша! кого изъ насъ пожалуешь ты Ханствомъ, тотъ изъ дѣтей твоихъ возметъ и колчань этотъ. Алангу же имъ отвѣчала: о, дѣти мои! кто презираетъ свой народъ и землю свою, того не почититъ и чужой народъ; кто безчеститъ мать свою, тотъ достанется въ руки врагу своему; кто охуляетъ ближняго своего, тотъ и врагомъ презираемъ будетъ; станете ли держаться приговора моего, вы злые, не добрые? Они же отвѣчали: будемъ держаться твоего приговора дѣйствительно и точно. Она же сказала: И такъ, коли будете держаться словъ моихъ, то повѣсьте вы, каждый, поясъ свой на солнечный лучъ, упадающій въ окно; если же котораго изъ васъ поясъ на лучъ повиснетъ, то тому сыну и Ханомъ быть, да ему же будетъ и золотой колчань. Они, на слова Алангу

согласившись, сняли каждый съ себя золотой поясъ, повѣсили его и глядѣли; но пояса всѣхъ трехъ не повисли. Но у Джингиза былъ шелковый поясокъ; Джингизъ кинулъ его и поясъ, повиснувъ на лучѣ, остановился. Они же, видѣвъ это, крайне изумившись, съ сердцемъ сказали: мать наша Алангу колдунья; она глаза наши отуманила; сами же съ досадою на сердцѣ отошли и повсюду носились съ дурнымъ умысломъ сгубить Джингиза. Младшій же сынъ Джингизъ подумалъ: теперь старшіе братья стали мнѣ врагами непримиримыми; они подстерегутъ меня и погубятъ; ради головы своей, уйду я къ Казакамъ (7). И посовѣтовавшись объ этомъ дѣлѣ, взявъ двухъ или трехъ молодцовъ своихъ, и пришелъ къ матери своей Алангу: Гой, мать моя! теперь я землю и владѣніе это покидаю; при вершинѣ рѣки этой, Такалынъ, есть черная гора, называемая Куркурлянъ; на мѣстѣ этой горы осную я жилье свое; тамъ буду ловить птицу и звѣря, а пойманныхъ птицъ буду щипать и пускать перья на воду; изъ этихъ перьевъ узнаете вы о нашемъ здравіи; я заставлю

ревѣть медвѣдя; льва заставлю я по полю рыскать; и вотъ примѣты для того, кто бы сталь ходить и искать меня и спрашивать. Самъ же онъ съ товарищами ушелъ, покинувъ мать свою въ слезахъ.

На другой день народъ пришелъ было къ Джингизу на поклонъ, но уже его не засталъ, и спрашивая: гдѣ Джингизъ нашъ? искали его по всюду и не могли найти. Назрыдъ рыдая пришли они къ Алангу и допытывались; но она ни чего не говорила. Когда же не стало Джингиза, который ушелъ къ Кайсакамъ, то братья его, Будеиджаръ, Кагенджаръ и Салджуть насильовали и угнетали подданныхъ. И народъ, не въ силахъ будучи болѣе терпѣть, пришелъ къ Алангу: Гой, Алангу! лучше бы ты сына своего Джингиза и не показывала, а просто взяла бы души наши; теперъ же, для чего, показавъ намъ его, отымаешь душу нашу? О, подай намъ вѣсть о Ханѣ нашемъ Джингизѣ..... потомъ, горько плачучи, продолжали: мы идемъ искать его. Она же отвѣчала: О народъ, коли вы подлинно такъ любите сына моего Джингиза, то приходите завтра рано, по

нѣскольку человекъ, добрыхъ и достойныхъ, изъ пяти или шести родовъ; имъ укажу я слѣдъ къ нему и дорогу. Тогда, на другое утро, почетные люди шести родовъ пришли и спрашивали: гдѣ къ нему путь пролегаетъ? и Алангу молвила: хорошо, идите же теперь на Такалынъ рѣку, стойте тамъ и глядите: и получите вѣсть. Они вышли на берегъ, стояли, глядѣли, ничего не видали; видѣли только кучку за кучкой птичьихъ перьевъ. Возвратившись, пришли они опять къ Алангу; тогда она спросила: что видѣли? — они отвѣчали: ничего не видали; видѣли только кучки перьевъ. И Алангу молвила: о, такъ знайте же, что видѣнныя вами перья подали вѣсть о сынѣ моемъ Джингизѣ; идите теперь и ищите, слѣдуя вверхъ по Такалынъ-рѣкѣ и найдете у вершины черную гору, именуемую: Куркурлянъ; на этой горѣ стоитъ съ пятокъ или съ шесть деревьевъ; тамъ, на этомъ мѣстѣ, сказалъ онъ, (Джингизъ) буду я проживать. Теперь идите искать тѣ перья; но рѣка Такалынъ, искони и съ давнихъ временъ, днемъ прибываетъ и разливается по берегамъ, а на

ночь снова сбывается. Еще Алангу примолвила: когда же придете на означенное мѣсто, то отвѣчайте каждому кого бы ни повстрѣчали и кто бы ни спросилъ васъ какіе вы люди, Дуинь, дуинь! А увѣтъ и признакъ сына моего вотъ какіе: одежда на немъ бѣлая, конь сивый, шапка золотая; лицомъ онъ безконечно пригожь, колчанъ при немъ золотой; самъ же собою мужественъ и статень; а ударивъ коня своего плетью, невидимкою скрывается. Вотъ вамъ примѣты, по коимъ его узнаете. Имена же Бековъ, ходившихъ на поимъ Джингиза, были: 1-го Уйшинмайкыби, 2-го Калдарь-би, 3-го Урдачь-би, 4-го Кибчакъ-би, 5-го Таміань-би; 6-го Керягъ-би, 7-го Буртань-би, 8-го Тимыркутлу-би, 9-го Мутіарь-би, 10-го Тангутъ-би (8). Эти десять бековъ, любивши Джангиза, составили совѣтъ и рѣшили его искать. А четыре Бека не хотѣли искать Джингиза; ибо говорили они, хулить своего, домашняго, Хана, что бы искать другаго, далекаго — это вздоръ; Имена же ихъ: перваго Кунгратъ-би, другаго: Катай-би,

третьяго: Салджуть—би, четвертаго Кыять—би. Трое изъ нихъ, Катай, Салджуть и Кыять, управляли народомъ, а Кунгратъ, будучи наперсникомъ и совѣтникомъ ихъ, искать Джингиза также отказался; вышеименованные же десять челоуѣкъ, не взирая на Кунграта, ушли; а одинъ изъ нихъ, Уйшинмайкыби взялъ у Алангу, безъ вѣдома прочихъ Бековъ, перстень съ рѣзнымъ камнемъ.

И такъ, слѣдуя всѣ по рѣкѣ Такалынъ, дошли они въ три мѣсяца до мѣста. Три челоуѣка изъ нимъ взошли на гору Кыя, и, оглянувшись, назадъ, увидѣли однѣ бѣлыя и однѣ синія палаты; и возвратившись, шли они по обратному пути цѣлую недѣлю, но въ палаты не входили, а дошедши до горы стали у подошвы ея. Простоявъ здѣсь цѣлую недѣлю спустя слышались имъ голоса вороны и челоуѣка. Походивъ и поискавъ, нашли они свѣжій слѣдъ нѣсколькихъ людей, и видно было, что слѣдъ этотъ съ горы не спускался, а доходилъ только до подошвы ея. Когда же они зашумѣли, то голоса замолкли, и тѣ во весь день ничего болѣе и слыхали. На

слѣдующій день заревѣль медвѣдь и зарыкаль левъ. Они догадались, что Джингизь вышелъ на охоту. Послышавъ это побѣжали они, и увидѣли человѣка на сивомъ конѣ въ бѣлой одеждѣ, въ золотой шапкѣ, съ золотымъ колчаномъ, съ мужественнымъ лицомъ, и признали въ немъ Джингиза. Тогда Джингизь подошелъ къ нимъ и спросилъ: кто вы, и кого здѣсь хотите подстеречь? Что вы за люди? Они же отвѣчали: дуинь, дуинь. Услышавъ эти слова, онъ исчезъ. Они возвратились плачучи, и провели всю ночь въ большой горести. На другой день кричали они громко: Аутуганъ Тутлакъ Актылакъ! но ничто и никто не отзывался и они пробыли тутъ дня два или три. Наконецъ услышали они однажды опять, что медвѣдь зарѣвѣль и левъ зарыкаль и догадались, что Джингикъ вышелъ на охоту. Обрадовавшись, пошли они и увидѣли того же самага человѣка, что и прежде, и Джингизь-Ханъ имъ сказалъ: Гой вы, кто вы такіе, что вы за мною слѣдомъ ходите? Они же, восклицая: дуинь, дуинь, горько зарыдали. Тогда ради слезъ ихъ, и самъ

Джингизь заплакаль вмѣстѣ съ ними и спросиль ихъ: Гой, вы, для чего же вы сюда пришли? Они же отвѣчали: мы для того не отстаемъ отъ тебя, что хотимъ за тебя умереть. Тогда Джингизь-Хань спросиль: Да кто же васъ научиль сюда притти? Они же отвѣчали: милость эту оказала намъ мать твоя, Алангу; она насъ и научила. Когда такъ, молвилъ онъ, то есть ли у васъ знакъ отъ матери моей? И всѣ Беки молчали, а Уйшинмайкыби снялъ съ руки своей взятый у Алангу перстень и подалъ его. Джингизь-Хань, принявъ перстень, посмотрѣль на него и призналь его за гербовой перстень Алангу и улыбнувшись сказалъ: Гой, Майкыби, коли я буду Ханомъ, то ты будешь Бекомъ; ибо, если бы ты не представиль мнѣ этого перстня, и отъ матери моей не принесъ бы мнѣ знаку, то я бы вамъ никогда не дался, да и вамъ не бывать бы товарищами и сподвижниками моими. А вы, прочіе Беки, да не огорчатъ васъ слова эти; всѣ вы вмѣстѣ составляете душу мою; придите же ко мнѣ въ жилище мое; тамъ сядемъ мы и отдохнемъ. Пришедъ туда, пили они, въ

теченіе цѣлой недѣли, разные напитки, пресыщались яствами неистощаемыми, при свѣчѣ неугасаемой. Тогда Джингизь-Хань сказалъ: теперь сядемъ и составимъ совѣтъ. Вы, что пришли искать насъ, скажите, много ли родовъ и народовъ за одно съ вами? Они же, вскочивъ нѣ ноги, почтительно говорили: О предводитель нашъ, Хань нашъ, душа наша! коли спросите, отъ какихъ родовъ мы къ вамъ пришли, то скажемъ: мы, десять человекъ, отъ девяти родовъ; ибо Калдарь-Бія отправила съ нами мать ваша Алангу; одинъ только Кунгратъ-би не хотѣлъ искать васъ; онъ, вмѣстѣ съ родомъ своимъ, остался при старшихъ братьяхъ твоихъ. Мы же, пришедшіе видѣть благословенное лице твое, путемъ едва отъ нужды не погибли; теперь же, соединившись съ вами, мы сами, со всѣми родами и народами, рабы твои. Джингизь, услышавъ отъ нихъ такія рѣчи, возрадовавшись, сказалъ: Гой, Беки мои и старшины! послѣ этого дня я вашъ, а вы мои! Они же, услышавъ слова эти, безконечно радуясь, говорили: И такъ, намъ послалъ тебя богъ; и въ благодарность

къ нему за это должны мы лошадей своихъ, на которыхъ мы прїѣхали, пустить на волю. Сказавъ это, распустили они, ради обрѣтенія Джингиза, коней своихъ. Но Джингизь-Ханъ спросилъ: на чемъ же вы меня довезете? Они не знали на чемъ ему ѣхать, какъ Калдарь-би сказалъ: я знаю одно искусство; они же просили: покажи намъ его; и, чего доселѣ неумѣлъ ни одинъ человекъ, Калдарь-би, мастерствомъ своимъ, построилъ телѣгу. И такъ, коли спросятъ васъ, кто первый сдѣлалъ телѣгу? то, должно отвѣчать: Калдарь-би, сынъ Ялынъ-бія. Когда телѣга была сдѣлана, то всѣ просили Джингизь-Хана садиться. И такъ Джингизь-Ханъ, подошедши, осмотрѣлъ телѣгу и сказавъ: славно сработано, похвалилъ Калдарь-бія, сѣлъ въ телѣгу; а Беки его везли. Тогда Уйшинмайкыби сказалъ: Гой Беки! я на равнѣ съ вами ходить не могу; у меня ноги коротки. И прочіе Беки спросили: что же ты станешь дѣлать? Майкыби отвѣчалъ: я попрошу позволенія Ханскаго сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на телѣгу, да коли кто плохо везти будетъ, то стану толкать его тростью въ

спину. Они же отвѣчали: пожалуй, сдѣлай это; и Уйшинь-майкыби сталъ просить Хана: О, Ханъ мой, у меня нога коротка, я тащить телѣгу не могу; окажи милость, вели присѣсть вмѣстѣ съ тобою на телѣгу! И Джингизь-Ханъ отвѣчалъ ему: хорошо садись. Наконецъ, нѣсколько времени спустя, Беки эти, везя Джингиза, достигли города Алангу и извѣстивъ ее напередъ вошли въ палаты ея. А такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ, кому должно войти вслѣдъ за Джингизомъ, то Майкыби сказалъ: О Ханъ мой! кому велите вы итти вслѣдъ за собою, воламъ ли, которые везли телѣгу, или хозяину, который ихъ впрягалъ? А Джингизь отвѣчалъ: коли хозяинъ не войдетъ, такъ неужели быкъ войдетъ напередъ? Тогда Майкыби, подбѣжавъ прытко вошелъ и занялъ мѣсто о правую руку Хана; а тогда и прочіе Беки присѣли. На другой день Джингизь-Ханъ вырѣзалъ сѣла четырехъ родовъ (непокорныхъ) и при этой рѣзнѣ не даровалъ онъ пощады и Будеиджару, Кагенджару, Салджуту, а наконецъ и Кингратъ-бію, а всѣхъ ихъ вырѣзавъ, погубилъ.

У Кунграта батыря (9) была въ то время сестра, по имени Буртакучюнь. Эта Буртакучюнь, желая спасти во время общаго убійства четырехъ мальчиковъ, взяла ихъ, сберегла и тайно воспитывала; одинъ былъ сынъ Будеиджара, другой Кагенджара, третій Салджута, а четвертый былъ сынъ брата ея, Кунграта-бія. И объ этомъ она отнюдь никому не сказывала. Народъ же, узнавъ, наконецъ, объ этомъ, доискался и нашедъ утаенныхъ, донесъ о нихъ Хану. Джингизь-Ханъ, разсердившись, спросилъ: а кто сокрылъ этихъ четырехъ мальчиковъ? — Присутствовавшіе Беки отвѣчали: о, Ханъ нашъ, ихъ утаила сестра Кунградъ-бія, Буртакучюнь. И Ханъ имъ на это: такъ подите, и наскоро ее сюда приведите. Тогда, пошедши проворно къ Буртакучюнь, сказали ей: скоро иди, Ханъ тебя спрашиваетъ! Буртакучюнь, отвѣчавъ на это: хорошо, иду, встала, накинула хребтовую соболью шубу на распашку, а на нее башметъ алаго шелку, надѣла на голову шапку чернобурой лисы и взяла утаенныхъ четырехъ ребяенокъ съ собою. А ребятамъ

тѣмъ было, которому одиннадцать, которому тринадцать, а которому и четырнадцать годовъ и собою безконечно пригожи. Сама же Буртакучюнь была пятерицею пригожѣ ихъ; и въ то время не было человѣка, выдавшаго подобною красавицу; только Всемогуществомъ Божиимъ могла быть создана таковая. Волоса у нее были въ сорокъ сажень маховыхъ; и двѣ прислужницы ея, склавъ ихъ въ золотыя чаши, несли ихъ за нею вслѣдъ. И народъ, увидавъ ее говорилъ: о, Буртакучюнь, для чего такой красавицѣ было пускаться на такое дѣло и утаивъ ребятъ этихъ, сдѣлаться воромъ? Она же имъ отвѣчала: о люди! чтоже я вамъ сдѣлала? коли я воръ; такъ будь воръ Хану, а не вамъ. Такъ она имъ отвѣчала. Потомъ привели ее, вмѣстѣ съ дѣтьми, къ Хану. Ханъ, увидѣвъ красоту ея и долгій волосъ, изумился; однакоже сказалъ: гой, Буртакучюнь! для чего ты, утаивъ дѣтей этихъ, стала мнѣ виновата воровствомъ? и Буртакучунъ умильно молвила: о, Ханъ! изъ сожалѣнія къ тебѣ утаила я ихъ и сдѣлалась преступною. И Джингизь-Ханъ

спросиль: да почему же ты меня жалѣла? Она же отвѣчала: о, Хань, мой, тяжело будетъ душѣ твоей; такъ я подумала. И Хань опять спросиль; да почему же тяжело будетъ душѣ моей? и Буртакучюнъ отвѣчала: о, Хань, для того, что когда Всевышній и пресвятой Богъ, во время пророка Ноя, благословенныя памяти, учиниль наказаніе невѣрнымъ, разливъ потопную воду и утопиль ихъ въ водѣ потопа и уничтожилъ, то, чтобы потопомъ тѣмъ не пресѣклись всѣ племена животныхъ, повелѣль онъ Ною Пророку, благословенной памяти, взять по самцу и по самкѣ изъ cadaго рода, а потомъ, освободивъ ихъ, пустить на волю; то ты, будучи Ханомъ, развѣ не рабъ всевышняго Бога? и самъ левъ даже, хотя онъ и звѣрь лютый, гонится за добычею впередъ, а за тою, которую уже миноваль, назадъ не кидается, а даруетъ ей волю. Ты же, Хань мой, ты человекъ, и такъ, даруй жизнь мнѣ и дѣтямъ этимъ! мечь дѣло низкое; чернь не щадящая достоинства, погубила бы и ихъ (дѣтей) при общемъ убійствѣ, а потому, чтобы не истребились роды ихъ и

племена, я ихъ сокрыла. Тогда Джингизъ сказалъ: гой, ради убѣдительныхъ рѣчей твоихъ, ради пространнаго, какъ море, сердца твоего, дарую я имъ жизнь и свободу отъ сотни тысячъ смертей. Приди же теперь, о Буртакучюнъ, не покидай ты сердца моего, не разлучайся болѣе со мною! Тогда Буртакучюнъ ему на это: быть такъ; вы полюбили меня, и я ваша. И сердце Джингиза растаяло; и принявъ оба другъ друга и составивъ законную чету, сыграли они для народа богатый свадебный пиръ и утѣшались брачною жизнью вмѣстѣ.

Еще же, да будетъ вѣдомо, что у Джингиза было отъ Буртакучюнъ четыре сына: первый и старшій сынъ Юджа-Ханъ; другой Джедай-Ханъ; третій Герей-Ханъ; четвертый Тули-Ханъ; Джингизъ-Ханъ же славился добрыми дѣлами своими и правосудіемъ, и вмѣстѣ съ племенемъ своимъ и войскомъ на разныхъ побоищахъ подчинилъ себѣ много земель и владѣній, такъ, что славою и именемъ своимъ преисполнилъ вселенную.

Потомъ Джингизъ-Ханъ пожаловалъ Бековъ, которые ходили искать его, равно

какъ и прочихъ званіями и мѣстами и наградилъ ихъ извѣстными удѣлами. А еще, надѣливъ каждого Бека особою тамгой, птицей, деревомъ и прозваніемъ, раздѣлилъ народъ свой на разныя части. И во-первыхъ сказалъ онъ Кыяту, сыну Будеиджара: дерево твое сосна, птица кречеть, прозваніе Аруджанъ, а тамга мотушка. Потомъ Джингизь–Ханъ сказалъ сыну Кунграть–бія, Сюнгля; гой, Сюнгля, твое дерево яблоня, птица соколь, прозваніе Кунгратъ, а тамга знакъ луны. Потомъ еще Джингизь–Ханъ сказалъ: О Уйшинмайкы–би! твое дерево карагачъ (карагучь), птица орель, прозваніе Салауйать, а тамга сога (10). Потомъ Джингизь–Ханъ сказалъ Удачь–беку: гой, тысячеколчаный Урдачь–би! то есть прозванный тысячеколчанымъ за то, что будучи безмѣрно богатымъ выводилъ съ собою въ бой по тысячѣ колчанами вооруженныхъ ратниковъ; деревомъ твоимъ да будетъ береза, птицею ястребъ, прозваніемъ Аладжъ, тамгою твоей пара птичьихъ ребрь. И еще Джингизь–Ханъ сказалъ: гой, Таміанъ–би! твое дерево

отнынѣ тополь, птица кокець, а прозвание Тутыя, тамга же крючекъ. Потомъ Джингизь–Ханъ сказалъ: гой, Кибчакъ–би! дерево твое вязъ, птица беркутъ, прозвание Тутаба, а тамга геробенъ. И опять Джингизь–Ханъ сказалъ: гой, Джурматыби! дерево твое ветла, птица ястребокъ–мышеловъ, прозвание Октыланъ, а тамга вилы съ рукоятью. И еще Джингизь–Ханъ сказалъ: гой, Керыять–би! дерево твое липа, птица гусь, прозвание Арбуру, а тамга глазъ. Потомъ опять Джингизь сказалъ: гой, Мутіанъ–би! твое дерево рябина, птица журавль, прозвание Байгунгратъ, а тамга паква (подорея, подхвостикъ лошадиный). Потомъ Джингизь–Ханъ сказалъ: гой, Бурджанъ–би! твое дерево дубъ, птица орель–бѣлохвостикъ, прозвание Актуганъ, тамга Джагалбай (11). Потомъ опять Джингизь сказалъ: гой, Буркутъ–би! дерево твое клень, птица удождь, прозвание Бурухъ, тамга хамза (12). И еще Джингизь–Ханъ сказалъ: гой, сынъ Кагенджара, Кыять, твое дерево можжевель, птица цапля, прозвание

Тылакъ, тамга плугъ. Потомъ Джингизь-Ханъ сказалъ: гой, Калдаръ-би, твое дерево сандадь, птица голубь, прозваніе Арнау, тамга ковшъ. И еще Джингизь-Ханъ сказалъ: гой, Салджуть-би, твое дерево кургучъ, птица ястребчикъ, прозваніе Барласъ, тамга домъ. Тамъ Джингизь опять сказалъ: гой, Тимыркутлу-би! ты будучи простаго происхожденія, снискаль Бекство богатствомъ и тороватостію, и такъ деревомъ твоимъ да будетъ ольха, птицею сорока, прозваніемъ Тобаксъ, а тамга пол-гребня. Самъ же Джингизь прозывался Джанъ-каба, и назначивъ каждого изъ поименованныхъ Біевъ Воеводою части войска, послалъ онъ ихъ завоевывать земли. И въ огромномъ, безчисленномъ войскѣ этомъ, люди находили и опознавали другъ друга только по значкамъ и прозваніямъ (13). Еще же да будетъ вѣдомо, что Джингизь-Ханъ, выѣзжая на охоту, бралъ всегда поименованныхъ Бековъ съ собою и вмѣстѣ съ ловчими птицами ихъ, а собственная Джингиза птица была Айбашкара-хашъ, а дерево Джингиза чинарь или платанъ, а

собственная тамга Джингиза была птичья голова. Еще же да будетъ вѣдомо, что Джингизь надѣлилъ каждого изъ поименованныхъ Біевъ сообразно съ воинственнымъ духомъ ихъ и ради важности латами, изъ коихъ каждая имѣли свое названіе; и во-первыхъ, собственныя Джингиза латы назывались буянъ (украшенный); у старшаго сына его Ючи были латы кара-тау (черная гора); у втораго сына Джедая были латы алтынъ-сандыкъ (золотой сундукъ); у третьяго сына Герая латы назывались биктаръ (весьма узкій). Потомъ данныя Джингизь-Ханомъ каждому изъ Біевъ латы, назывались: латы Кыята, сына Будеиджара, кала (городъ); Кунгратовы, айкултукъ (не полная луна); Майкы-біевы, чага-кузь (отблескъ мечущій); Таміановы, кигдикса (созвучный); Кибчакъ-біевы, кукъ-яка (сивый воротъ); Джурматъ-біевы, унь-карышь (десять пяденей); Карайтовы, иляма (ускорнякъ, иверень); Мутіановы, каумъ-качь (бѣги, толпа!); Беркутовы, курлячь; латы Кыята, сына Кагеиджара, бузь-калпакъ (сѣрая шапка); Каидарбіевы,

чкатурганъ (выходящій); Салджутовы, куюрчанъ (густой настой); Тимыръ-кутлуевы, бзой-башъ (телячья голова).

Джингизъ-Ханъ охранялъ Бековъ своихъ, что брови собственныхъ очей; провождалъ дни свои въ радости и веселіи, гордился саномъ царскимъ и уважалъ его и жилъ всегда въ удовольствіи. И однажды, вышедши на охоту съ сыновьями и Беками своими, увидали они звѣря, называемаго барсомъ. И каждый изъ нихъ вскинувъ стрѣлу на лукъ свой, натянулъ тетиву и пустилъ стрѣлу, но ни чья стрѣла не могла звѣря настичь. Наконецъ три человекъ пошли въ погоню за нимъ и догнавъ его, выстрѣлами своими свалили. Изъ нихъ первый былъ Сюнгля, сынъ Кунгратъ-батыря; другой тысячеколчаный Урдачъ, третій Таміанъ; и эти три человекъ, убивъ барса, принесли его Джингизу. Ханъ увидѣвъ мужество ихъ, изумился и наградивъ каждого изъ нихъ серебряной монетой, всюду въ бесѣдахъ своихъ говаривалъ о ихъ неустрашимости. И еще разъ вышелъ Джингизъ съ Беками своими на охоту, и ходивши по полю, увидѣли они

лося и погнались за нимъ. У Бурджана былъ скакунъ и прыть его была такова, что Бурджанъ настигнувъ лося, поймалъ его за рога и пристрѣливъ его, свалилъ и представилъ Хану. Ханъ наградилъ его пятьюдесятью сребренниками. И такимъ образомъ жили они всегда среди утѣхъ и радостей. И еще въ одинъ день Джингизь-Ханъ сказалъ: гой Беки мои, подитека на охоту, по птицу, да принесите — приказывалъ онъ — добычу свою сюда. И Беки, взявъ каждый свою ловчую птицу съ собой, пошли и принесли побитую ими дичь. Кыять кречетомъ своимъ затравилъ лебедя; Сунгля соколомъ побилъ журавля; Урдачь ястребомъ поймалъ гуся; Таміанъ кобчикомъ перепелку; и словомъ каждый ловчій взялъ добычу и пришедъ къ Джингизу положилъ ее передъ нимъ. И Ханъ, поглядѣвъ на птицу, далъ каждому по 1000 сребренниковъ; Кыяту же, Сюнглѣ, Урдачу и Таміану далъ въ награду по 2000.

Потомъ Джингизь-Ханъ старшаго сына своего Юджи посадилъ на ханство въ Тармизскую орду, гдѣ родится серебро и золото и много драгоцѣннаго товару и гдѣ

простора много. Второго сына, Джедая, посадилъ на ханство Индостантское, гдѣ живетъ десять тысячъ народу разнаго, и которое составляетъ собою огромное владѣнье; потомъ третьяго сына Гереея, надѣлилъ ханствомъ Куралинскимъ, гдѣ много латныхъ людей, много саблей препоясанныхъ и благородной крови мужей. Четвертаго сына, Тулибїя, посадилъ онъ на ханство Московское, гдѣ живетъ народъ добродушный, гдѣ земля обширная, гдѣ облакаются въ атласъ и въ сукно и въ джугу; гдѣ работы много, яства сладки, царство твердо, неколебимо. И каждымъ изъ поименованныхъ владѣній вмѣстѣ съ народами ихъ, надѣлилъ онъ сыновей. И такъ корень и начало Хановъ поименованныхъ городовъ проистекають отъ нихъ.

Еще знайте, что Джингизь-Ханъ рождень матерью своею, считая со дня Эджры, въ 549 году, (14) который былъ годъ свиной (15), мѣсяца Зюльхиджа; жизни его было 72 года, на ханство сѣлъ онъ 13-ти лѣтъ отъ роду, владычествовалъ 59 лѣтъ, а послѣ 72-хъ лѣтъ жизни, въ

свиной годъ честнаго Рамазана мѣсяца, 14-го дня, 624-го года, отшель отъ міра сего. Родина же Джингизь-Хана и самое владѣніе его были въ Китаѣ.

Съ Татарскаго, В. ЛУГАНСКІЙ.

Примѣчанія.

(1) Книга, изъ которой я взялъ сказку эту, названа на Русской половинѣ заглавія: Жизнь Джингизъ—Хана и Аксанъ—Тимура, съ присовокупленіемъ разныхъ отрывковъ и пр. Она напечатана, на Татарскомъ языкѣ, Лекторомъ этого языка Хальфиномъ, въ Казани, въ 1822 году; а имъ заимствована изъ какой—то старинной рукописи, отысканной въ Татарской деревенькѣ. Хотя я, переводчикъ, и не совсѣмъ однѣхъ мыслей съ издателемъ подлинника, то есть, не ласкаю себя надеждою, чтобы трудъ нашъ имѣлъ цѣну въ отношеніи историческомъ, но — я не за тѣмъ и погнался; мое дѣло сказка. И эта, какъ всѣ сказки, основана на нѣкоторыхъ историческихъ событіяхъ, перемѣшана съ баснословными преданіями, разукрашена небывальщиною всякаго рода и искажена странностями уносчиваго Восточнаго воображенія, коимъ, даже и благочестивый Мулла мой вѣрить не вполнѣ. Кажется, переводъ вѣренъ и близокъ: впрочемъ, подлинникъ, во многихъ отношеніяхъ,

сбивчивъ и неясень, да притомъ и словаря Татарскаго у насъ въ Россіи нѣтъ вовсе. Я ссылаюсь во всемъ, что сдѣлалъ, на Муллу Абдуллу и на учителя Татарскаго языка при Неплюевскомъ Военномъ училищѣ, Г. Иванова, который, со всегдашнимъ раздушіемъ и готовностію не рѣдко служилъ мнѣ, такъ сказать, живымъ словаремъ. Сказка эта вещь не важная; но, на равнѣ со многими подобными, заслуживаетъ, кажется, быть тиснутою, хотя бы только въ повременномъ изданіи; стыдненько, что мы доселѣ не много ознакомились съ непространною Словесностію Азійскихъ народовъ или около бѣлой Руси обитающихъ. Такъ на примѣръ: извѣстная Исторія Абуль-Газы найдена Шведскими плѣнными офицерами у Русскихъ Татаръ; вывезена, переведена на Нѣмецкій и Французскій, а съ Французскаго уже, претрудолюбивымъ Тредьяковскимъ, на Русскій языкъ. Перевода съ подлинника у насъ нѣтъ.

(2) Краткая молитва, кою Мухамедъ благословилъ каждую главу Курана и кою по нынѣ Мухамедане благословляютъ

всякое начинаніе свое, переведена Байсеномъ, въ переводѣ его Курана на Нѣмецкій, Im namen Gottes, des allerbarmherzigsten Erbarmers, во имя Бога, премилосердаго изъ милосердыхъ; или: милосердаго и милосерднѣйшаго; Мусульмане толкуютъ это: милосердаго на этомъ свѣтѣ ко всякому, на томъ, премилосердаго къ правовѣрнымъ.

(3) Мусульмане, говоря о Пророкахъ, коихъ считаютъ 28, а въ томъ числѣ и Спасителя нашего, всегда прилагаютъ къ нимъ почтительное слово это.

(4) Здѣсь, и еще мѣстахъ въ двухъ, необходимость заставила меня смягчить неблагопристойности подлинника, о которыхъ Мусульмане имѣютъ свое особое понятіе и называютъ каждую вещь всегда своимъ именемъ.....

(5) Тамга, говорятъ, собственно означала пошлину съ товара, потомъ налагаемую на товаръ печать или клеймо, а нынѣ есть знакъ, родъ герба, употребляемаго неграмотными Татарами, Башкирами, Киргисами, при рукоприкладствѣ. Вмѣсто того, что нашъ

мужикъ всегда кладетъ крестъ, Башкирь ставитъ тамгу свою разнаго вида и узора. Нѣкоторые роды Башкировъ и понынѣ еще присвоиваютъ себѣ и роду своему извѣстное дерево или птицу — древній обычай, который служилъ для обозначенія родовъ и племень Монголовъ, а съ завоеваніемъ ими Турокъ или Татаръ и съ присоединеніемъ ихъ къ себѣ, перешель и на этихъ.

(6) Имя это на Татарскомъ языкѣ значенія не имѣетъ: можетъ быть, оно Монгольскаго происхожденія. Беянь или Баянь, Арабское слово и значить объяснять, разглагольствовать. — Не это ли нашъ баснословный пѣвецъ?

(7) Казаками называютъ себя за-Уральскіе степные дикари, которые нами прозваны — Богъ вѣсть за что — Киргизами. Казаками слывутъ они также у всѣхъ сосѣднихъ народовъ. Иногда прибавляемъ мы къ ихъ названію Киргизъ, еще Кайсакъ; испорченное Казакъ.

(8) Волости или лучше сказать роды: Кипчакъ и Таміанъ, находятся понынѣ еще между Башкирами, равно какъ и

упоминаемые въ другомъ мѣстѣ сказки этой: Бурзянь или Бурджань, и другіе.

(9) Татарское: батырь (богатырь) въ Арабугскомъ краю и въ Зауральской степи также употребительно, какъ Джигить за Кавказомъ.

(10) Срга, Сырга: слово, которому не могъ я прибрать ни какого смыслу или значенія.

(11) И этому слову значенія мы не приискали. У Киргизь-Кайсаковъ есть родъ Джагалбай; но это значить: тавро т. е. знакъ Джегалбай? Можетъ быть, тавро Джегалбайлинское?

(12) Знакъ, извѣстный въ Восточной грамотѣ подъ именемъ Хемзы, есть наше славянское титло, или нѣчто ему подобное.

(13) Въ подлинникѣ слѣдуетъ за симъ вторичное исчисленіе именъ, прозваній, тамогъ, деревъ и птицъ; но какъ, по моему, довольно и одного разу, но я это мѣсто и сократилъ.

(14) Джингизь дѣйствительно родился въ 549-мъ году Геджры, въ 1154-мъ нашей эры, Мусульмане считаютъ лунными годами, въ 354 дня. Геджра ихъ, то есть,

бѣгство Мухамеда изъ Мекки въ Медину, случилось, какъ большая часть Историковъ удостовѣряетъ, въ 622-мъ году отъ Р. Х. въ Юль, а какъ другіе увѣряютъ, въ Августѣ.

(15) Мусульмане придають годамъ одно изъ двѣнадцати слѣдующихъ прилагательныхъ; годъ коровій, годъ барса, годъ заячій, годъ крокодила, годъ змѣиный, лошадинный, бараній, годъ обезьяны, курицы, годъ собачій, свиной и мышиною. 1834 годъ есть лошадинный, 35-й бараній, и такъ далѣе.
